

Улыбнулся он едва заметно, но в легком изгибе губ сквозило что-то двусмысленное. Всё потому, что девушки его, строго говоря, никогда не интересовали.

Встретившись взглядом с Чэн Цзие, он слегка склонил голову. Движение было рассчитано с ювелирной точностью: непослушная темная прядь скользнула по щеке и едва не окунулась в горлышко бутылки. Юй Сингэ выверил всё, вплоть до взмаха ресниц.

— А ты угадай, — предложил он.

В воздухе повисло странное, зыбкое напряжение — недосказанное и томительное. Чарльз осекся и выжидающе уставился на вокалиста. Тот долго молчал, прежде чем наконец глухо выдавить:

—... Без понятия.

Чэн Цзие отвел глаза под его пристальным взглядом. Он уставился на ту самую бутылку, над которой только что покачивался локон гитариста, словно обычное темное стекло внезапно стало самой интересной вещью на свете.

Атмосфера становилась все более неловкой. Чарльз, решив разрядить обстановку, громко фыркнул:

— Эй, правила есть правила! Отвечать должен ты, а не Майк. Откуда ему знать?

Барабанщик забавно высунул язык и принялся шутливо тормозить Юй Сингэ, требуя признания.

— Ну ладно, — Юй Сингэ непринужденно перевел взгляд на кассеты. — Пожалуй, мне нравятся милые.

"Наверное, все натуралы без ума от милых девчонок?"

Чарльз так и покатился со смеху:

— А что, тебе подходит! Прямо твой формат.

Чэн Цзие сидел рядом, опустив голову. Его лицо ушло в тень, и Юй Сингэ не удалось разобрать выражение его глаз.

Вокалист сегодня вообще казался непривычно холодным, а в игру вникал будто нехотя. Простодушный Чарльз ничего не заметил, но проницательный Ли Гу уловил эту перемену. Он

смерил Чэн Цзие быстрым взглядом, а затем посмотрел на Юй Сингэ. Тот лишь мягко улыбнулся и проигнорировал безмолвный вопрос басиста.

Чэн Цзие шумно сорвал крышку с очередной бутылки. В груди ворочалось глухое, ничем не обоснованное раздражение. Сделав глубокий глоток, он попытался утопить это липкое чувство в хмельной горечи, но так и не смог понять причину своего недовольства. Острый край металлической пробки случайно царапнул ладонь, оставив тонкую алую полосу, но он даже не обратил внимания.

К концу игры уличная шашлычная почти опустела. Хозяин заведения, добродушный сидящий мужчина лет под шестьдесят, расчувствовался и выставил им за счет заведения целую упаковку пива. Отказаться было неудобно, и Юй Сингэ предложил оставить подарок у него «на депозите» — до следующего визита. Алкоголь уже вовсю шумел у парней в головах. Трезвым оставался один лишь Ли Гу, да от Чэн Цзие пахло спиртным совсем слабо.

Пьяного в стельку Чарльза взвалил на себя Ли Гу. Серьезный басист твердо пообещал доставить товарища домой в целости и сохранности. Чарльз лишь лениво зевнул и пробормотал, что Ли Гу сам вечно блуждает в трех соснах и вряд ли помнит, где его собственный дом.

Юй Сингэ, судя по всему, тоже изрядно перебрал. Он тихо, заливисто смеялся над чужой болтовней; в затуманенных глазах плескался теплый хмельной блеск, веки слегка порозовели, а вьющиеся темные пряди на лбу намокли от пота. Гитарист действительно был пьян. Если бы Чэн Цзие вовремя не перехватил его за запястье, парень преспокойно ушагал бы напрямик на проезжую часть.

— Стоять, — Чэн Цзие попытался привести его в чувство.

Но парень, чью руку крепко сжимали пальцы вокалиста, даже не понял, что произошло. Он медленно повернулся, глядя на Чэн Цзие абсолютно несмыслящим, блуждающим взором, в глубине которого отражался силуэт напарника.

Чэн Цзие глубоко вздохнул:

— Идем домой.

Юй Сингэ послушно кивнул. На сцене этот парень казался ослепительным, но сейчас, хмельной и уязвимый, он приковывал к себе взгляд совсем по-другому.

Хмель делал гитариста удивительно покладистым — ни криков, ни шатаний. Он молча брел следом за Чэн Цзие, и если бы не это абсолютное безмолвие, их можно было бы принять за двух приятелей, решивших прогуляться по ночному городу. Вокалист шел, окутанный этой плотной, почти осязаемой тишиной.

К счастью, до дома было рукой подать. Но стоило им подняться на свой этаж, как Чэн Цзие замер, взявшись за дверную ручку комнаты соседа. Развернувшись, он натолкнулся на сонный, затуманенный взгляд Юй Сингэ.

— Где ключи? — спросил вокалист.

Как хозяин квартиры, он, разумеется, держал у себя дубликат, но связка лежала где-то в недрах ящика его собственного письменного стола, и возвращаться за ней жутко не хотелось. Не оставлять же пьяного парня прямо в коридоре.

Юй Сингэ неопределенно качнул головой, но не произнес ни звука. Чэн Цзие терпеливо повторил вопрос, глядя на него в упор из-под темной челки.

Юй Сингэ заторможенно затрепетал ресницами. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы переварить услышанное.

— В кармане... — протянул он сонно, даже не подумав пошевелиться.

Чэн Цзие похлопал по карманам его джинсовки. Пусто. Он поднял взгляд и только в этот момент осознал, насколько близко они стоят друг к другу.

Пространство между ними заполнило чужое горячее дыхание. В глубоких карих глазах Юй Сингэ дрожали отблески тусклого коридорного света, напоминая россыпь далеких звезд. Этот взгляд казался обезоруживающе чистым — если бы только не эта внезапная близость.

Расстояние сократилось до предела. В полумраке тесного подъезда Чэн Цзие кожей чувствовал, как чужие выдохи щекочут шею. Это теплое, ровное дыхание молодого тела неуловимо пахло домашними цветами — точно такой же нежный аромат китайского мирта тянулся с балкона их репетиционной студии. Еще чуть-чуть, и они соприкоснутся.

Внутри у Чэн Цзие что-то дрогнуло, и он инстинктивно отстранился. Даже прожив четверть века убежденным натуралом, невозможно было не почувствовать, что обстановка становится двусмысленной.

Слишком резкое движение вышло похожим на толчок. Юй Сингэ покачнулся, растерянно отступил на полшага и тихо, едва различимо пробормотал под нос:

— Не толкайся... И не бей меня.

Несмотря на шепот, Чэн Цзие расслышал каждое слово.

"Надо же было так набраться"

С этим парнем определенно нужно было заканчивать как можно скорее. Подавив нарастающее замешательство, Чэн Цзие опустил взгляд на его джинсы. Раз во внешней куртке ничего не нашлось, ключи наверняка лежали в кармане брюк.

Недолго думая, вокалист потянулся к узкому карману его джинсов и уверенно просунул туда пальцы, благо превосходное зрение позволяло без труда ориентироваться в темноте. Юй Сингэ такой бесцеремонности явно не ожидал. Ему стоило огромных усилий сдерживать рвущуюся наружу ухмылку; благо в полумраке лестничной клетки разглядеть его лицо было невозможно.

"А наш главный герой местами удивительно инициативен, — подумал Юй Сингэ"

Пальцы Чэн Цзие нащупали холодный металл. Сквозь тонкую ткань подкладки кармана он отчетливо ощутил тепло упругого бедра.

Чэн Цзие судорожно сглотнул, внезапно осознав интимность этого жеста. Желая покончить с этим быстрее, он попытался поглубже просунуть ладонь, но в этот момент Юй Сингэ перехватил его руку у самого запястья.

Хватка у пьяного гитариста оказалась на удивление крепкой и горячей. Тишина между ними сделалась почти осязаемой, звенящей. Чэн Цзие поднял голову и столкнулся с его взглядом — мутным, по-детски невинным и совершенно дезориентированным. Парень явно не отдавал себе отчета в своих действиях.

Заметив, что на него смотрят, Юй Сингэ мягко, обезоруживающе улыбнулся — вежливо и искренне, точно так же, как в день их первой встречи. А затем не спеша разжал пальцы.

"Я просто накручиваю себя, — слегка нахмурившись, Чэн Цзие постарался отогнать неуместные мысли"

Теперь ему ничего не мешало. Он вытащил ключи, вставил один из них в скважину и повернул. Пальцы, сжимавшие металл, оказались влажными от пота.

Мужчины безошибочно считают флюиды зарождающейся близости, какими бы мимолетными ни были жесты. Но в их случае это было чистым безумием. Этого просто не могло быть.

Переступив порог, вокалист оглянулся: Юй Сингэ так и остался стоять на лестничной площадке. Его силуэт тонул в густых тенях подъезда, а лицо по-прежнему хранило выражение сонной безмятежности.

"Точно, я все выдумал, — Чэн Цзие мысленно повторил это как заклинание. — Обычная неловкость. Просто нормальная социальная дистанция"

— Заходи, — позвал он.

Чэн Цзие прошел к столу и машинально поправил криво стоявшую на кружевной салфетке вазу. За его спиной, в неверном свете прихожей, сонная поволока с глаз Юй Сингэ мгновенно слетела. Взгляд парня сделался пугающе трезвым и спокойным, и лишь бешено колотящееся в груди сердце выдавало его истинное состояние.

Один Бог ведал, каких усилий ему стоило не выдать себя, когда ладонь Чэн Цзие скользнула в его карман. Юй Сингэ изо всех сил пытался выкинуть из головы ощущение чужого горячего дыхания, этот магнетический, затягивающий взгляд и то, как опасно сократилось разделявшее их расстояние. И, самое главное, нужно было во что бы то ни стало удержать на губах глупую улыбку.

Когда Чэн Цзие снова обернулся, гитарист уже послушно зашел в комнату и притворил за собой дверь. Хмель делал Юй Сингэ удивительно тихим и покладистым — никаких пьяных выходок. Он тихо опустился на диван и принялся лениво перебирать разложенные на журнальном столике пожелтевшие аудиокассеты.

В Цичэне гитарист ориентировался плохо, поэтому развлекался как мог. Эти старые записи они всей группой откопали в букинистической лавке в один из свободных вечеров. Музыка на стороне «Б» почему-то зацепила его куда сильнее раскрученных хитов на стороне «А», и он набрал целую кучу таких кассет.

Чэн Цзие распахнул балконную дверь, впуская в комнату прохладу ночного воздуха и приглушенный стрекот цикад. Затем он ушел на кухню, безуспешно перерыл шкафчики в поисках аспирина или какого-нибудь абсорбента и вернулся с обычным стаканом холодной воды, который поставил перед гостем.

К счастью, Юй Сингэ сейчас беспрекословно подчинялся любым указаниям. Он взял стакан и принялся медленно, послушно пить. Никакого буйства или капризов.

Чэн Цзие устало опустился на другой край дивана. Гитарист сидел рядом, прислонившись к мягкой спинке, и молча делал глоток за глотком.

Весь сегодняшний день у вокалиста не задался. Настроение было отвратительным, и скрывать это от окружающих становилось все труднее. Он слишком долго не бывал в родных краях и успел позабыть, каково это — возвращаться к старым ранам. Тягучая, изнуряющая тоска, поселившаяся в душе после посещения могилы матери, никак не желала отпустить.

И виной тому во многом был его деспотичный отец. Старик всю жизнь презирал увлечение сына музыкой и не верил, что тот способен добиться хоть чего-то стоящего. И хотя сейчас Чэн Цзие научился реагировать на это спокойнее, старые обиды нет-нет да и давали о себе знать.

Ночной воздух за окном казался влажным и тяжелым. Чэн Цзие потянулся было к карману за

сигаретами, но покосился на сидящего рядом соседа и передумал. Он опустил руку.

Вместо сигареты он достал массивную серебряную зажигалку. Металл тускло поблескивал в полумраке, пока Чэн Цзие задумчиво крутил ее в пальцах. Щелчок — и из сопла вырвался острый язычок бледно-голубого пламени.

Пока он бездумно наблюдал за игрой огня, Юй Сингэ с явным любопытством подался вперед и мягко потянул зажигалку из его пальцев.

Чэн Цзие не стал сопротивляться и послушно разжал руку. В длинных, изящных пальцах гитариста холодное серебро смотрелось удивительно изысканно, напоминая застывшую в темноте ночную бабочку.

— Красивая, — негромко произнес Юй Сингэ.

В его голосе не чувствовалось ни капли хмеля. Чэн Цзие удивленно вскинул брови, пытаясь рассмотреть лицо напарника, но тот сидел, опустив голову, так что понять, пришел ли он в себя, было решительно невозможно. Впрочем, эта вещица никогда не представляла для вокалиста особой ценности.

— Нравится? Забирай, — просто сказал он.

— Правда?

— Да.

— А если бы я попросил что-то другое?

— Например?

Юй Сингэ на секунду задумался, а затем с тихой улыбкой произнес:

— Подари мне сегодняшнюю луну.

Это была всего лишь безобидная шутка — он заметил, что Чэн Цзие не в духе, и хотел немного разрядить атмосферу. Однако вокалист, похоже, принял его слова за пьяный бред.

Темноволосый лидер группы спорить не стал. Он молча поднялся, подошел к стене и снял с крепления акустическую гитару соседа. Повернувшись к Юй Сингэ, он спросил:

— Позволишь?

Тот кивнул, и на его губах заиграла легкая улыбка.

Чэн Цзие провел пальцами по струнам. Инструмент был настроен безупречно. Из-за выпитого пива мысли слегка путались, и он никак не мог вспомнить ни одной из своих любимых мелодий. Пальцы лениво перебирали аккорды, рождая хаотичные, несвязные звуки.

Но постепенно из хаоса соткался знакомый мотив. Чэн Цзие сам не заметил, как перешел на «Лунную реку». Мелодия лилась мягко, убаюкивающе. Юй Сингэ подпер подбородок ладонью, мысленно подпевая каждому слову, хотя песня, в общем-то, была вовсе не о небесном светиле.

Юй Сингэ заворуженно наблюдал за ним. В моменты, когда Чэн Цзие растворялся в музыке, он становился невероятно настоящим. В его фигуре угадывалась та редкая, пугающая преданность делу, ради которого человек готов без остатка сжечь собственную жизнь. Чэн Цзие был рожден для сцены. Его ждали стадионы, рев толпы и триумфальный путь, усыпанный цветами.

Под ярким светом люстры мелодия подошла к концу. Чэн Цзие владел гитарой ничуть не хуже, чем собственным голосом — впрочем, приличному рок-вокалисту в наши дни без владения парой-тройкой инструментов на сцене делать нечего.

Он приглушил струны ладонью и негромко произнес:

— Всё, тебе пора спать.

Юй Сингэ лениво побарабанил пальцами по стопке нотных тетрадей, на которых теперь лежала подаренная серебряная зажигалка. Он поднял глаза на Чэн Цзие и послушно согласился:

— Хорошо.

Он снова чиркнул колесиком. На кончике фитиля заплесало маленькое двухцветное пламя — ярко-оранжевое у вершины и пронзительно-синее у самого основания. Юй Сингэ немного полюбовался ровным горением, прежде чем закрыть крышку. Пожароопасная, хрупкая, но такая обжигающая игрушка.

Она определенно пришлась ему по душе.

<http://bllate.org/book/18241/1765486>